

DOI 10.31029/vestdnc93/9

УДК 94(470.67)

**АНДИЙСКИЕ ТУХУМЫ:
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Х. А. Амирханов, ORCID: 0000-0002-9904-2539
Институт археологии РАН, Москва, Россия

**THE ANDIAN TUKHUMS (CLANS):
HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ESSAY**

H. A. Amirkhanov, ORCID: 0000-0002-9904-2539
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia

Аннотация. Материалы, касающиеся возникновения, становления и состава тухумов различных регионов Дагестана, являются важной основой для локальных исторических реконструкций. Систематизированные данные такого рода особенно ценны в условиях скудости письменных исторических источников. Данная работа посвящена изучению этой проблемы применительно к этнографической группе андийцев. В работе приводится обобщенное рассмотрение всего состава андийских тухумов с акцентом на подробное описание тех из них, которые связаны с селом Анди – одним из крупных и исторически значимых сел Западного Дагестана. Дается типологическое определение тухума, в том числе андийского, как родовой общины, рассматривается соотношение тухума и сельской территориальной общины. Имеющиеся письменные данные по рассматриваемому вопросу дополняются рассмотрением исторической топографии села и его кладбищ, анализом расселения тухумов на занятой селом территории.

Abstract. The materials concerning the origin, formation and composition of the tukhums in various regions of Daghestan are an important basis for local historical reconstructions. Systematized data of this kind are especially valuable in the context of the scarcity of the written historical sources. This work is devoted to the study of this problem in relation to the ethnographic group of the Andians. The work provides a generalized examination of the entire composition of Andian tukhums with an emphasis on a detailed description of those that are associated with the village of Andi, one of the largest and historically significant villages in Western Daghestan. A typological definition of the *tukhum*, including an Andian one, as a clan community is given, and the relationship between a tukhum and the rural territorial community is considered. The available written data on the issue under consideration are supplemented by an examination of the historical topography of the village and its cemeteries, an analysis of the settlement of the tukhums in the territory occupied by the village.

Ключевые слова: Дагестан, андийцы, село Анди, история тухумов, родовая община, территориальная община, эндогамия, экзогамия.

Keywords: Daghestan, Andians, Andi village, history of tukhums, clan community, territorial community, endogamy, exogamy.

Введение

Историческая область расселения андийцев располагается в Западном Дагестане в бассейне небольшой реки Гадор, которую в ее среднем и нижнем течении называют Онсатлен (Унсатлен). Эта малая река является левым притоком р. Анди-ор (Андийское Койсу). Рассматриваемая территория охватывает в основном южные склоны Андийского хребта. Экономическая же территория андийцев распространяется не только на юг от осевой линии названного хребта, но и на север. Она включает в себя лесистые горные склоны и не занятые лесом территории обширных пастбищ по обе стороны водораздела.

В традиционной социальной жизни андийцев центральное (после сельской общины) место занимает *тухум*. Слово «*тухум*», как известно, является персидским по происхождению и означает «яйцо», «семя» (с вариациями: др.-перс. *tauhmā*, ср.-перс. *tōhm/tōhmag* – семья, род, фамилия). На Восточном Кавказе существуют и местные эквиваленты этого понятия. Например, аварское «глибил» (*кьибил*), что означает «корень». В ботлихском слово «гай» (*гъай*) соответствует понятию «тухум». В андийском созвучное ему «кхай» (*къай*) обозначает, в частности, «обиталище», «стойбище». Последние можно интерпретировать как отражение того, что на стадии начала формирования оседлых однородных поселений понятия «поселение» («хутор», «стойбище») и «род» не отличались по смыслу.

Андийские тухумы являются богатным материалом для исследования базовых характеристик и роли былой родовой общины в социально-политической истории Дагестана, и особенно горной его части. Ценность именно этого этнографического материала состоит в том, что в нем содержатся выразительные признаки архаизма, неузнаваемо трансформировавшиеся или даже стертые полностью модернизацией на большей части Северо-Восточного Кавказа. Одновременно они являются полноценным источником для реконструкции истории и локальной исторической географии.

Целью данной работы не является классическое этнографическое описание тухума у андийцев с его детальной характеристикой. Главная задача сводится здесь к рассмотрению проблемы генезиса тухумов села Анди – исторического центра андийцев. Исходными материалами для этого служат скудные и не очень основательные, к сожалению, письменные источники, данные исторической топографии тухумов в с. Анди, а также география и состав тухумов в других андийских селах. Дополнительные данные можно почерпнуть из сопоставления территорий, занятых кварталами тех или иных тухумов и древними кладбищами, которые оказались застроенными при расширении границ села.

Андийский тухум, как и дагестанский тухум вообще, – это *сообщество людей, объединенное кровным или приобретенным (адопция) родством и связанное обязательствами корпоративной солидарности его членов*. Он является универсальным и всевременным институтом, организующим общественные отношения в традиционном дагестанском социуме независимо от формы политического устройства, в котором функционирует. Понятие «тухум» распространено в Дагестане и Чечне (здесь – в форме «тукхум»), но в каждом из этих двух регионов имеет различное содержание. В Чечне тукхум состоит из многих тейпов¹. Поэтому здесь его можно отнести к надродовой категории, объединяющей родовые общины. В Дагестане роль такого надродового интегратора выполняет территориальная община – вариант классической соседской общины в форме раннего (сельского) полиса. В Средневековье в Дагестане подобные общины получили арабское название «джамаат», что по смыслу и означает «сообщество», «община».

Специального исследования, посвященного именно андийским тухумам, до настоящего времени не существует. Профессионально этот вопрос затрагивал М.А. Агларов в своем труде, посвященном историко-этнографическому описанию андийцев [1]. Факты, относящиеся к тухумам, иногда не систематизированные и противоречивые, встречаются в краеведческих трудах выходцев из андийских сел. Сведения этого рода, относящиеся к с. Гагатли, можно почерпнуть из книги Х. Умаханова [2]. Лаконичные данные о тухумах другого большого села – Риквани содержатся в книге любителя-историка Г.И. Набиюлаева [3]. В аналогичной по жанру книге [4], посвященной истории другого андийского села – Зило, мы находим перечисление множества семейных фамилий, но при отсутствии данных о том, в какие тухумы они объединяются. В этом можно видеть, между прочим, насколько разным является в настоящее время восприятие значимости социального объединения в виде тухума в двух селах, которые разделены друг от друга расстоянием всего лишь около десяти километров и даже относятся к одной и той же этнической группе.

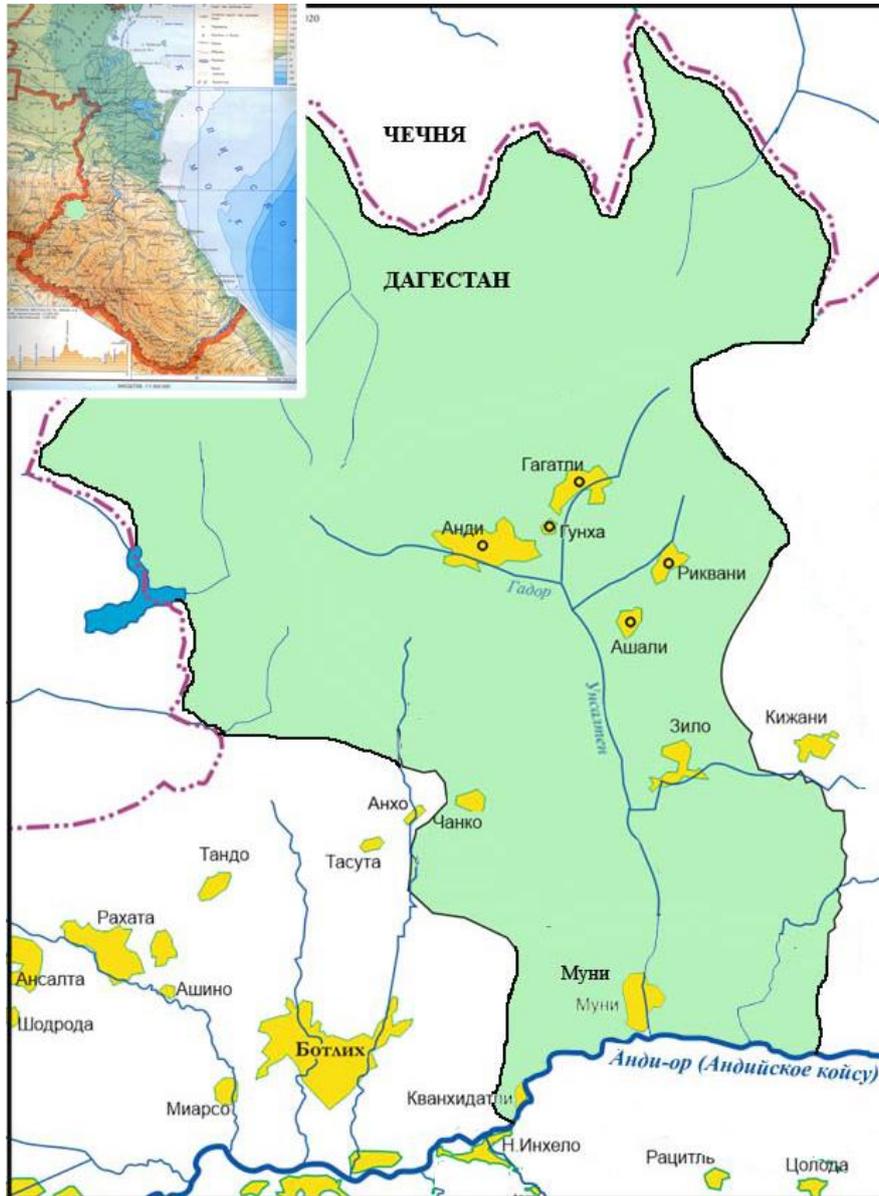
Замечательный образец обоснования того, как возник гагатлинский тухум Берулал, представляет собой брошюра, написанная одним из членов этого тухума [5]. Важно заметить, что, не имея никаких специальных знаний, он реализовал в своем очерке шаблон, по которому излагается типичная мифологизированная история возникновения рода вообще. В центре этого нарратива, конечно, находится предание о прародителе тухума.

Андийские села и тухумы

В месте своего традиционного расселения в Западном Дагестане андийцы занимают в настоящее время, как и в прошлом, девять сел (см. рисунок). Шесть из них (Анди, Гагатли, Гунха,

¹ Слово происходит от арабского «*тайфа*», что значит «тип», «разновидность».

Риквани, Ашали, Зило) расположены в андийской долине, образованной межгорной впадиной с протекающей по ее дну речкой Гадор (в нижнем течении – р. Онсатлен). У устья этой речки в месте ее впадения в р. Анди-ор (Андийское Койсу) расположено село Муни, а непосредственно на берегу большой реки – еще одно андийское село Кванхидатли. Эти два села вместе с селом Чанко, а также хуторами Цибильта и Рушуха расположены за пределами внутренней части андийской долины.



Историческая территория расселения андийцев

Условные обозначения: 1 — граница субъектов Российской Федерации; 2 — населенные пункты; 3 — традиционная территория андийских общин

Карта-схема территории расселения андийцев.

Условные обозначения: 1 – граница субъектов Российской Федерации; 2 – населенные пункты; 3 – традиционная территория андийских общин

Центральным в историческом и культурном отношении населенным пунктом андийцев, от которого и происходит их общее название, является с. Анди. Это одно самых крупных сел Западного Дагестана, которое в средневековых дагестанских хрониках обозначалось как «шагьар», т.е. город.

В XIX в. это село было административным центром Андийского наибства. В наше время оно входит в качестве сельского муниципального образования в состав Ботлихского района. Население с. Анди по переписи 2021 г. составило 7120 человек.

В языковом отношении в каждом из андийских сел отмечается особый говор андийского языка. Имеется и два диалекта – верхнеандийский в названных выше шести селах вместе с селом Чанко и нижнеандийский, представленный в селах Муни и Кванхидатли.

В XX в. жители всех андийских сел широко расселились городах и поселках в равнинной части Дагестана. Вне своего исторического расселения андийцев насчитывается сейчас едва ли не больше, чем на исконной территории. Точных сведений об общей численности андийцев не существует, но по оценочным данным она может составлять 40–50 тыс. человек. Существенно отметить, что при большом приросте населения в XX в. (в 1886 г. по данным посемейной переписи всех андийцев насчитывалось 7575 человек) количество тухумов в селе Анди не увеличилось ни на один. И сейчас, независимо от места рождения и жительства, каждый андиец так же твердо, как свое имя, знает, из какого тухума он происходит. И можно повторить, что, несмотря на массовую миграцию в XX в. (частью добровольную, а в основном принудительную), количество андийских тухумов в горах не убавилось и сколь бы обширными не были на равнине новообжитые места – не прибавилось.

Рассмотрим ниже состав андийских тухумов отдельно по селам (см. таблицу).

Рассредоточение андийских тухумов по селам

Села \ Тухумы	Анди	Гагатли	Гунха	Риквани	Ашали	Зило	Муни	Кванхидатли	Чанко
Абичол	+			+					
Авицолал							+		
Балталал						+			
Берулал		+							
Бичоннал		+							
Гаджикулал		+							
Гечолал							+	+	
Гомологилал							+		
Гугучилал					+				
Дадилал	+								
Итулал									+
Йолукилал		+							
Кавудилал							+		
Кхандалал					+				
Кхачилал		+							
Кхиталал									+
Мачуталал					+				
Мирзалал	+								
Накхателал							+		
Рачабурдирал									+
Салалал				+					
Сунтагилал								+	
Табцулал									+
Туркол									+
Унсурилал	+								+
Херчилал	+	+		+					+
Чээрчилал								+	
Щамххваладул	+		+	+					
Элбеладул				+					

Как видно из приведенной таблицы, андийские тухумы расселены по селам следующим образом.

В Анди – самом крупном андийском селе издавна проживают представители шести тухумов: Абичол, Дадилал, Мирзалал, Унсурилал, Херчилал, Щамххваладул.

Ашали – согласно М.А. Агларову в селе насчитывается три тухума: Мачуталал (*Мачутлалал*), Ххандалал (*Хъандалал*), Гугучилал, (*Гъугъучилал*) [1]. Современные информаторы из числа местных жителей в дополнение к указанным называют еще семь «тухумов». При этом очевидно, что они не делают различий между тухумом и его фамильными подразделениями.

Гагатли – второе по величине андийское село. При множественности (как и в Анди) внутритухумных фамильных подразделений здесь можно говорить о шести тухумах. Это: Берулал, Бичоннал (*Бичоннал*), Вагамадул (*Вагъамадул*), Гаджикулал (*Гъаджиклал*), Херчилал, Ххачилал (*Хъачилал*). Наиболее крупными из них являются Гаджикулал и Ххачилал, и оба они считаются происходящими из одного корня – андийского тухума Щамххваладул.

Гунха – еще одно относительно небольшое селение андийцев. Расспросы показывают, что здесь живут представители двух тухумов – Щамххваладул, Херчилал. Иногда говорят, что тут представлен и тухум Унсурилал, состоящий из потомков лиц, переселившихся сюда жителей с. Чанко. Но это странно, поскольку в Чанко не существует тухума Унсурилал.

Зило – из числа средних по величине андийских сел. Жители его входят в два тухума – Кхазилал (*Хъазилал*) и Балталал, каждый из которых включает в себя по несколько фамильных подразделений. Последние подробно описаны в литературе [4].

Кванхидатли – село, расположенное непосредственно на берегу р. Анди-ор (Андийское Койсу). Здесь проживают представители трех тухумов: Гечолал, Сунтагилал, Чеэрчилал (*Чегерчилал*). Сегодня все эти тухумы вместе включают, по данным нашего информатора, 24 фамильных линии.

Муни – довольно большое село, расположенное вне андийской котловины у устья р. Гадор-Онсатлен в месте впадения последней в р. Анди-ор (Андийское койсу). Здесь представлено четыре тухума: Авицолал, Гомологилал (*Гъомологъилал*), Кавудилал, Накхателал (*Нахъателал*).

Риквани – достаточно крупное село. В нем представлены следующие тухумы: Абичол, Херчилал, Щамххваладул, Салалал, Элбеладул. Иногда Салалал ассоциируют с тухумом Щамххваладул, а Элбеладул – с Херчилал. Объяснение этому может заключаться в том, что при их заселении в с. Риквани первые были адаптированы тухумом Щамххваладул, а вторые – с Херчилал.

Чанко – село из числа некрупных. Здесь представлено пять тухумов: Итулал, Рачабурдирал, Туркол, Чамалол (*Чамалол*), Табцулал (*Табцулал*). В первом из них, вероятно, исконном для села, выделяют три фамильных подразделения (Солилал, Кхиталал (*Хъитилал*), Гадалал). Неясным остается здесь такой момент. В конце 1940-х гг. местный информатор рассказывал Е.М. Шиллингу о том, «Чанко основал некий андиец Чокху из тухума Херчилал» [10]. В наши дни потомки информатора тех лет не упоминают названный тухум в числе представленных в селе.

Таким образом, этническая группа андийцев в том виде, в каком мы ее знаем сейчас, состоит из 29 тухумов. Не исключено, что эта цифра может быть оспорена со ссылкой на то, что некоторые из упоминаемых тухумов следует рассматривать не как самостоятельные единицы, а фамильные ответвления. Другие, напротив, могут упрекнуть автора в том, что некоторые из фамильных групп им не учтены в качестве отдельных тухумов, и поэтому общее количество последних занижено. В действительности, излагаемые здесь данные являются результатом определенного анализа и могут быть приняты в качестве исходных для обсуждаемой темы. При наличии других обоснованных фактов они могут быть скорректированы, но изменения эти не изменят картину в принципиальном отношении.

Заслуживает особого внимания то, что в селах, расположенных в относительном отдалении от с. Анди (Ашали, Зило, Чанко, Муни, Кванхидатли), имеются тухумы, уникальные именно для каждого из этих населенных пунктов. В отличие от них в большинстве верхнеандийских сел (Анди, Гагатли, Гунха, Риквани) помимо сугубо местных в разной степени представлены три многоаульных тухума: Абичол, Херчилал и Щамххваладул. Это дает основание рассматривать их в качестве базовых для всех верхнеандийцев. По всей видимости, формировались эти тухумы в древности порознь и первоначально в одготухумных поселениях, которые располагались на рас-

стоянии нескольких километров друг от друга в пределах той же верхней части андийской долины (долина р. Гадор).

В дальнейшем, в течение определенного отрезка Средневековья, они локализовались на территории современного села Анди и к моменту походов Тамерлана в Дагестан были уже укоренены на территории сел Гагатли и Риквани. Об этом говорят следующие факты. Согласно историческим преданиям ко времени взятия Тамерланом с. Гагатли там обитал наряду с коренными андийскими тухумами род ставленника ордынцев Йолука. Второе свидетельство касается того, что в это же время в с. Риквани была принята тухумом Щамххваладул пришлая извне группа Салалал. Следовательно, к концу XIV в. тухум Щамххваладул в Риквани уже мог существовать и называться так же, как и ныне, поскольку титул и имя Шамхал были известны в Дагестане по меньшей мере с начала XIV в. – имеется в виду надпись 718/1318–1319 г. в минарете с. Худуц с упоминанием шамхала Ахсибара [6].

Весьма примечательно то, что в селах, населенных андийцами, кроме самого Анди, мы не обнаруживаем представителей тухумов Унсурирал, Мирзалал и Дадилал. Это именно те тухумы, которые согласно хронике «Тарих Анди» поселились здесь позже трех других.

Признаки какого-либо экономического или политического доминирования какого-либо андийского тухума над другими если и были, то со временем стерлись окончательно. Но, скорее всего, такого не было никогда, по крайней мере, не было в демонстративном и формализованном виде.

Этнографический материал показывает, что тухумная система непосредственно в с. Анди больше, чем в других селах сохранила архаику родового уклада. Одной из таких особенностей в сравнении, например, с другим крупным андийским селом Гагатли является невозможность формирования здесь особого тухума, состоящего из лиц, перемещенных в село насильственно во времена имевших в древности место военных походов в Грузию. В Анди действовал принцип тухумной адаптации в его классическом виде. Каждый из существующих тухумов включал в свой состав новых членов независимо от кровнородственных отношений, происхождения и места, откуда они прибыли. На каждого вновь принятого в тухум обязательства тухумной корпоративности распространялись в такой же степени, как и на тех, кто руководствовался ими по факту своей глубокой генеалогической (кровной) принадлежности к данному тухуму.

В какие-то моменты равенство членов тухума носило камуфлированный, формальный характер. Оно не распространялось, например, на право участия адаптированных членов тухумов при решении надтухумных, т.е. общинных дел. Но как бы то ни было, подчеркивание различий в статусе по принципу «коренной», «некоренной» порицалось. Члены одного тухума считались кровными родственниками друг другу независимо от их генеалогии, имущественного достатка и т.д. Имелось и свое название степени родства, связывающего членов тухума. Оно звучит как *вахидоб*. Как и во всех других случаях, связанных с древними терминами родства, это понятие, к сожалению, не поддается этимологии. О значимости названной, казалось бы, последней степени родства у андийцев, говорит то, что родство этого типа является более значимым, чем родство на уровне даже двоюродного брата по линии материи. Родство по матери андийцы снисходительно называют «платочное родство» (*Казилъльги миярльльльгир*), что лишний раз подчеркивает патриархальный характер тухумной системы.

Принцип адаптации действовал не только при принятии новых членов тухумов извне, но и при переходе из одного тухума в другой внутри села. Последствия смены тухума распространялись и на всех потомков конкретного лица, осуществившего переход. Такое происходило очень редко и бывало связано с личными обстоятельствами и желанием конкретного человека. Переход считался свершившимся, если он был одобрен старейшинами тухума. На памяти автора за последние 60 лет в Анди был всего один случай, когда человек перешел из одного тухума в другой. Да и этот случай многими воспринимался как экстраординарная реакция конкретного человека, вызванная эмоциональным стрессом.

В противоположность правилу адаптации в Анди не практиковалась такая мера, как изгнание из тухума. Вообще изгнание было прерогативой не тухума, а общины. Человек, заслуживающий такого наказания, отлучался от сельской общины в целом. Изгой покидал село, чаще всего навсегда. Поскольку человек не может быть «бестухумным», то для такого человека естественным было продолжать причислять себя к своему тухуму. Хотя вне своего привычного социума это уже не имело никакого значения.

К истории тухумов села Анди

Единственным письменным источником, касающимся истории тухумов с. Анди, является рукопись неизвестного автора с неясным временем ее создания [7]. Возникновение этого документа можно отнести к XVIII в. или рубежу XIX–XX вв. В нем излагаются большей частью мифологизированные и полулегендарные сведения об основании села Анди и его тухумов. Согласно им изначально село Анди состояло из двух тухумов, образованных Шамхалом и Харчи (Херчи), которые происходили от одного предка – Ануша. Затем село вобрало в себя другие тухумы (Унсурилал, Мирзалал, Дадилол), прибывшие сюда из ближних и дальних краев. Удивительно, что в данной рукописи почти нет упоминания о крупном андийском тухуме Абичол, который при беспристрастном подходе к вопросу больше остальных имеет оснований претендовать на роль первооселенцев села Анди. В тексте фигурирует имя Абич как брата Дадила, с которым они изначально проживали в селе, расположенном «между селами Миарсо и Ботлих».

В тексте рукописи «Тарих Анди» говорится, что тухум Мирзалал был образован в Анди семьями, переселившимися в 761 г.х. (1360 г.) из села Кижани после имевшего там место кровопролитного междоусобного конфликта.

Тухум Унсурилал согласно «Тарих Анди» мигрировал в 800 г.х. (1397 г.) в Анди из Шубута (высокогорная область на юго-западе современной Чеченской Республики).

Явное невнимание, проявляемое в тексте «Тарих Анди» к Абичу (соответственно, тухуму Абичол), и возвеличивание его мифического брата Дадила может объясняться особыми генеалогическими пристрастиями автора рассматриваемого сочинения.

Таким образом, содержание рукописи «Тарих Анди» дает, как представляется, правдоподобную с некоторыми оговорками последовательность формирования современного состава тухумов в с. Анди. Эту картину могут скорректировать и детализировать наблюдения над исторической топографией расселения тухумов на территории села и расположением сельских кладбищ.

Село Анди исторически формировалось из трех частей. Трудно найти прямое русское соответствие андийскому названию этих структурных частей. Наиболее подходящими по смыслу были бы архаичные «конец» или «сторона». В аварском языке такие части селений называют «авал», что также близко к понятию «сторона». В собственно андийском они носят название «*реххон*». *Реххон* в Анди гораздо крупнее, чем квартал в привычном понимании. В него входят примерно 200 домов. Всего *реххонов* в Анди три: верхний *реххон*, нижний *реххон*, Саталалуб (*СатIалалуб*) *реххон*. Нижний *реххон* расположен вдоль течения упоминавшейся выше речки Гадор. Верхний *реххон* располагается на относительно широкой, выровненной поверхности террасообразного уступа, возвышающегося не менее чем на 100 м над урезом названной реки. В такой же геоморфологической позиции, но примерно на полкилометра восточнее от последнего находится Саталалуб *реххон*. Распределение тухумов по разным сторонам и геоморфологическим уровням никакой социальной окраски не имеет. Оно отражает лишь последовательность освоения села разными тухумами и фамилиями.

Анализируя характер расселения тухумов по территории, занятой селом, обнаруживается несколько весьма значимых, на наш взгляд, моментов. Во-первых, оказывается, что нижний *реххон* в его древней, исторической части заселен исключительно представителями тухума Абичол. То есть лучшая с точки зрения удобства проживания (близость к воде, защищенность от ветра, более мягкий микроклимат) территория села занята практически одним тухумом. Вдобавок к этому из

десяти сельских кладбищ, которые сохранились до настоящего времени незастроенными, четыре – приходятся на нижний *реххон*. Два этих факта вместе свидетельствуют в пользу того, что этот *реххон* был начальным, «ядерным» при постепенном формировании большого села Анди. Соответственно и тухум Абибол, населяющий его, может рассматриваться в качестве самого древнего в селе. Приходя к такому выводу, не удивляешься, что именно у представителей этого тухума в Анди можно обнаружить наиболее частое проявление специфических антропологических признаков, связанных с выраженной светлой пигментацией кожи, светлым оттенком волос и глаз. Наверное, это можно интерпретировать как проявление соматических признаков, сохранившихся в одном из исконных андийских тухумов в том виде, какой был характерен для его изначального (кавказионского) расового типа.

Переходя к тухуму Херчилал, можно отметить, что его название имеет монгольскую основу. Соответственно, если не сам тухум, то его название не может быть моложе XIII в. Монгольское *харчи* обозначает человека служилого сословия среднего ранга. Хорошо известно, что этот социальный термин был довольно широко распространен на Северном Кавказе в период Золотой Орды. В Дагестане и Крыму он был более известен в форме *карачи* [8].

Местом расселения тухума Херчилал в Анди первоначально был верхний *реххон*. Впоследствии он распространился и в Саталалуб *реххон*. Представляется очевидным, что, как и для всех других андийских тухумов (исключая тухум Абибол), современное расположение в с. Анди для него не является исконным. Всего в нескольких километрах по разные стороны от современного села имеются руинированные остатки небольших поселений (вероятнее всего, средневековых) или менее очевидные следы обитания больших групп населения. Мы не знаем, какие именно тухумы обитали в этих местах. Маловероятно, чтобы это были Абибол, занимающие, как указано выше, максимально выгодную позицию в самом с. Анди. У него не было причин для смены со временем места обитания. Претендентами на роль бывших обитателей данных средневековых поселений с равными основаниями могут претендовать тухумы Херчилал и Щамхваладул.

Тухум Щамхваладул, так же как и Херчилал и Абибол, является одним из крупных коренных андийских тухумов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он распространен помимо Анди (как и два других названных тухума) еще в трех других андийских селах. О возможном времени образования если не самого тухума, то его названия сказано выше в связи с тухумами с. Риквани.

Рассматриваемые здесь данные показывают, что андийские тухумы не были статичными. В драматические моменты своей истории они могли распадаться, объединяться, переселяться и, не исключено, постепенно менять свои названия. Различной была и историческая география андийских тухумов. Определенно можно сказать, что в разное время все они вместе занимали территорию как минимум не меньшую, чем занимают сейчас. Она распространялась от основания северных склонов Андийского хребта до берега Анди-ор (Андийского Койсу) в направлении север – юг и от озера Алхар (Казеной-ам) до хребта Бахарган на границе с современным Гумбетовским районом в направлении восток – запад.

Свидетельством того, что география тухумов не была статичной, красноречиво говорят хотя бы упоминавшиеся выше факты, относящиеся к андийским тухумам Унсурилал, Мирзалал и Дадилал. Автор склонен верить сведениям, приводимым в отношении их в «Тарих Анди», в частности датировкам и направлениям миграций. Эти данные подтверждаются преданиями и некоторыми другими косвенными источниками, в том числе письменными.

Для иллюстрации сказанного применительно к тухуму Мирзалал приведем ниже любопытный документ, обнаруженный в Центральном историческом архиве Грузии². Это обращение к россий-

² Центральный исторический архив Грузии. Ф. 231. Оп. 1. Д. 95 (Прошения разных лиц об отыскании ими личных прав). Л. 1.

ским властям двух андийцев с целью установления их имущественных прав. Содержание этого обращения следующее. «В 1884 году в Ботлихе Мусахаджи сын Ханмамада и Чупан сын Мухаммадмирзы заявили членам сословно-поземельной комиссии: *«Мы носим фамилию Мирзалал; нас этой фамилии в Анди всех живущих, около 30 дворов, и десять поколений уже жили в этом селении. Мы храним в фамилии предание, что мы приходим из беков, но из какого дома и откуда пришли наши отцы и предки в Андию, мы не знаем. Предкам нашим принадлежала вся земля, занимаемая селением Кижани Гумбетовского наибства»*

Подобного рода сведения зафиксированы и в отношении тухума Дадилол, в котором утверждаются его права на земли в округе села Тандо, нужно думать, оставшиеся там после переселения тухума в Анди [9].

Такого рода данных достаточно для понимания отдельных важных эпизодов истории формирования тухумной структуры селения Анди. Помимо устных преданий они подтверждаются и расселением тухумов на территории села, чего мы коснулись выше. В этом смысле многозначительным является тот факт, что тухумы, обосновавшиеся в Анди позже других, расселены преимущественно по окраинам Верхнего *реххона* и в Саталалул *реххоне*. При этом часть территории, обжитой представителями тухума Дадилол, примыкает к площади, которая ранее была занята заброшенным средневековым мусульманским кладбищем и частично даже перекрывает последнюю.

Говорить о количественном составе членов тухумов с. Анди затруднительно. Подобные официальные подсчеты никогда не производились. Существуют эпизодические сведения о количественном составе тухума Мирзалал, а также Унсурилал вместе с Щамххваладул, относящиеся к 1880-м гг. Они представляют собой информацию, содержащуюся в обращениях некоторых андийцев к властям с просьбой удовлетворить их претензии на право владения земельными угодьями. В одном из этих обращений, как отмечено выше, заявитель – Исмаил Арашшамхалов сообщает, что их тухум (на самом деле, имеются в виду два тухума вместе – Унсурилал и Щамххваладул) состоит из 300 дворов. В другом сообщении того же времени, о котором говорилось выше, численность тухума Мирзалал оценивается в 30 дворов. Вот эти два приблизительных значения (с учетом того, что в первом объединены два тухума) характерны в одном случае для крупного, а во втором относительно малочисленного тухума с. Анди конца XIX в. В общем виде эти пропорции сохраняются и в настоящее время.

Внутритухумные фамилии и некоторые характерные имена

Тухум у андийцев внутри себя системно не структурирован. Его базовая составная часть – малая моногамная семья. Группа малых семей, связанная тесным родством на уровне братьев и двоюродных братьев по отцу, может составлять некое неформализованное единство, называемое «*гьякью*», т.е. «дом». Входящие в него семьи и их члены называются *сер гьякьюльгьльгьол*, что переводится как «люди одного дома». Они не связаны друг с другом обязательствами (включая имущественные) большими, чем это предписано их принадлежностью к единому тухуму. Сознание особой родственной близости между собой – это единственное, что выделяет членов «*гьякью*» внутри тухума. Они имеют единое традиционное имя, идущее не от первопредка тухума, а от относительно недавнего основателя данной группы семей. Это имя очень близко к фамилии – не той, которая прописана в паспорте в русифицированной форме, а реальной, объединяющей несколько поколений и естественным образом укоренившейся в сознании окружающих. Часто эти имена-фамилии образованы из прозвищ с собственно андийской, а не арабской (исламской) или какой-нибудь иной этимологией, как это характерно для основной части местной антропонимики.

Внутритухумные фамилии жителей с. Анди настолько не систематизированы, что даже два-три андийца не смогут их перечислить одинаково. Спор может возникнуть относительно числа фамилий в тухуме и того, что касается обоснованности претензий той или иной фамилии на статус особого «*линиджа*» внутри тухума. Попытка составить потухумный список фамилий будет означать-

но обречена на ее неприятие какой-то частью общества. Тем не менее фамилии, о которых идет речь, существуют. Они не канонизированы как тухумные названия; более «динамичны», более «историчны» в том смысле, что темп их формирования и частота трансформаций несравнимо более быстрые, чем у тухумов. При этом, каким бы явным не был этот процесс, он не способен повлиять на прочность общетухумных связей. Тухум в представлении члена общины незыблем и вечен для обозримого отрезка прошлого и будущего. Хотя, конечно, каждый понимает, что «все течет, все меняется», и тухум тоже. Просто перемены этого рода, касающиеся тухума, происходят настолько медленно, что они не заметны на протяжении жизни многих поколений.

Составление детальных списков внутритухумных фамилий может и представляло бы какой-то интерес, но, исходя из отмеченного выше, оно не может дать чего-то особенного для реконструкции истории андийского общества. Другое дело, когда речь идет о личных именах, используемых предпочтительно в том или ином тухуме или даже специфичных для него. Общеизвестно, насколько не случайным является выбор имени при наречении человека в традиционном обществе. Имена далеких и недавних предков циркулируют в поколениях каждого тухума бесконечно. Они содержат информацию о древности того или иного имени, его этнической окраске, субстратовых формах, внешних привнесениях в местную антропонимику. Специальное изучение этого пласта ономастики применительно к андийскому материалу способно дать немало интересного для истории данного сельского общества. Автор не ставит задачей детальное рассмотрение здесь этого вопроса. Но тема настолько интересна, что представляется уместным хотя бы попутно коснуться ее,

Во-первых, интерес представляет то, что наименования тухумов в одних андийских селах находят соответствие в фамильных (часто в виде прозвищ) именах в другом селе. Примерами этого являются: тухум Мачуталал (*МачутИалал*) в с. Ашали и группа семей с тем же названием, но в виде прозвища в с. Анди. Соответственно: тухум Берулал в Гагатли и фамильное имя (но не тухум) Беролал в Анди; точно так же – Кхазилал (*Хъазилал*), как тухум в с. Зило и в виде фамильного имени в Анди. Возможно, имеются и другие подобные соответствия.

Примером большой исторической информативности является, например, состав фамильных и личных имен тухума Унсурилал. В этом небольшом по численности, но влиятельном до утверждения советской власти тухуме насчитывается семь (здесь могут быть вариации) внутритухумных фамилий. Их перечень следующий: Арашилал, Ахъайлал, Атречол, Ачахъанилал, Герейлал, Чигъалал. Здесь необычно, прежде всего, полное отсутствие в этом перечне арабских (шире – исламских) имен. Еще более интересно, что пять первых из приведенных фамилий безошибочно можно определить, как тюркские. Может быть, тюркскими являются они все. Это слегка видоизмененные андийские формы от старотюркских по звучанию имен: Араш, Акай, Ашахан, Гирей, Отрек.

В специфических тухумных именах андийцев нередко наблюдается сочетание исконно андийских (не арабо-мусульманских и не аваризованных) имен с именами тюркскими. В тухуме Херчилал, например, отмечается соседство фамилий Ишомилал и Бачавлал. Первое имя сугубо андийское и происходит от слова «*ишом*», а второе – *Бача* – типично тюркское, с вариантами *Батча*, *Буча* в органичной тюркской среде. Что касается первого из рассматриваемых имен, то далеко не каждый современный андиец знает его этимологию. *Ишом* на андийском означает «козленок-двухлетка».

Особенно интересно, что названия некоторых тухумов вызывают ассоциации и даже прямые соответствия с библейскими именами. К таковым можно отнести, например, такие названия тухумов, как Авицол и Кавудилал. Понятие «*ковуд*» относится к восточносемитской основе и часто используется в Библии в смысле «могущество», «слава Божья», а *Авиц* – упоминается там как отец Ионафана, сына царя Саула. Специальный анализ таких фактов в общем контексте ономастических изысканий способен «оживить», а в некоторых случаях и обнаружить зерна достоверности в бытующих (конечно, в мифологизированном виде) преданиях о прошлом тех или

иных сел. О последних применительно к андийцам писали в свое время Е.М. Шиллинг [10] и М.А. Агларов [1].

Община и тухум: эндогамия и экзогамия

Единство членов дагестанской сельской общины, определяемое территориальной принадлежностью (т.е. чем-то близким к «общинному гражданству»), в социальном смысле более значимо, чем связь, скрепляемая принадлежностью конкретного лица к тому или иному тухуму. Территориальная община может существовать без тухума, но тухума без общины или вне общины быть не может.

Одной из главных, если не главной, характеристикой, отличающей Дагестан от соседних территорий Северного Кавказа, является то, что становление и развитие историко-культурной общности шло здесь по типично земледельческому пути, когда главным регулятором политических взаимоотношений на протяжении тысячелетий выступал принцип, основанный на доминировании *территориальной* формы организации общественных отношений над *родоплеменной*.

Фундаментом подобной системы выступала земледельческая территориальная община, корни которой в Дагестане уходят к неолиту-энеолиту, т.е. ко времени утверждения здесь производящей экономики в виде земледелия и скотоводства [11]. В обозримом прошлом в Дагестане вне территорий, входивших в различные раннегосударственные образования, политическим субъектом во взаимоотношениях с внешним миром выступала сельская община или союз таких общин. Такой прерогативой не обладали тухумы. Интересы тухумов, входящих в общину, обеспечивала община, но тухум не мог представлять общину. Само существование тухумов внутри общины никак не было связано с потребностями системы общинного управления.

Устройство общины не предполагало сложной структурированности, в которой тухумы имели бы свое особое предназначение. *Единство членов общины, определяемое их территориальной принадлежностью (т.е. чего-то вроде «общинного гражданства»), было более значимо, чем сопотнесенность конкретного лица с тем или иным тухумом.*

Тухумы существовали в общине как наследие, укоренившийся атрибут той формы социального устройства, которая господствовала до образования крупных, особенно многотухумных, земледельческих поселений. Они не играли в территориальной общине своей особой экономической и/или политической роли. Конечно, при решении конкретных общинных дел не могла игнорироваться степень влияния того или иного тухума. Но это никак не могло быть «узаконено» и осуществлялось, если это случалось, в камуфлированной форме.

Исследования показывают, что активизация и в Дагестане процесса слияния однотухумных (однородных) поселений в крупные, многотухумные, т.е. процесс синойкизма, приходится на XIII–XV вв. [12]. Но нужно помнить, что процесс этот мог быть в истории не одноразовым и не универсальным для всей территории Дагестана. Исследователи справедливо относят возникновение многотухумных поселений в отдельных районах рассматриваемой территории к началу раннего средневековья и даже к первым векам новой эры [13; 14].

До становления такой формы структурной организации поселений, как многотухумные общины, закон экзогамии должен был в Дагестане реализовываться в виде практики брачных отношений между соседствующими друг с другом мелкими и в основном однородными поселениями. При этом патрилокальный принцип организации новых семей путем перехода невесты из собственного рода-поселения в другое, такое же поселение жениха, обеспечивало отсутствие фрагментации и отчуждения земельных угодий родовых общин – выходя замуж, земельный участок не перенесешь с собой в другое поселение. В многородовых же поселениях переходы права на земельные участки от одного рода к другому не вели к выводу земельных ресурсов за пределы территории, на которую распространялись нормы (как правило, основанные на обычном праве), регулировавшие общественные, личные и имущественные отношения данной территориальной общины. То есть в том, что касается имущественных прав на землю, при образовании территориальных

общин последними были восприняты нормы, сложившиеся естественным образом в период бытования кровнородственных (родовых) общин и, благодаря экзогамному патрилокальному характеру брака, обеспечивали неотчуждаемость земли. Так формировалось у многогородовой сельской земледельческой общины «чувство территории», имевшее экономическую, правовую и политическую подоснову в гораздо более оформленном, развитом виде, чем это было свойственно родовой общине (в данном случае – тухуму).

Когда говорят об эндогамии и экзогамии применительно к Дагестану, вопрос формулируется иногда так, что здесь имела место тухумная эндогамия и отсутствовали нормы экзогамии. Это довольно поверхностное заключение. Следует помнить, что такого рода выводы должны основываться на рассмотрении тех или иных реалий в их развитии, т.е. в диахронном историческом срезе. Если бы это было возможно для времени ранее формирования территориальных общин, т.е. на стадии функционирования родовых (кровнородственных) общин, то можно было бы обнаружить в реалиях Дагестана экзогамию в ее типичной форме. Мы же, современные исследователи, оперируем материалом, который относится ко времени, когда в Дагестане уже давно утвердилась территориальная община, которая инкорпорировала в себя в социальном, экономическом и политическом отношениях по несколько кровнородственных общин-тухумов. С этого момента, когда субъектом социальной жизни конкретного сообщества людей стала территориальная община, она заменила собой родовую общину в роли регулятора общественных отношений. Соответственно, внутри многогородовой соседской общины не могли сохраниться в прежнем виде ограничения, связанные с системой брачных отношений. Институты эндогамии и экзогамии трансформировались в сторону необязательности родовой экзогамии и утверждению предпочтительной (не освященной обычным правом, но фактически функционирующей) эндогамии внутри территориальной общины.

Разумеется, прав был Л.И. Лавров, который считал поверхностно понимаемую «тухумную эндогамию» институтом не исконным для Дагестана [15; 16]. Возражение может вызвать лишь следование этого исследователя распространенному заблуждению о самом существовании здесь этого явления в классическом виде с большой древности («не менее 1000 лет»).

Глубже других проник в суть этого вопроса М.А. Агларов. Остро оппонируя относительно многочисленным в одно время сторонникам социологизаторских схем первобытной истории, он выступал против идеи о существовании когда-либо тухумной эндогамии в Дагестане как общественной нормы [17; 18].

В обычном праве сельских общин и их союзов не было особых правил, регламентирующих систему межтухумных брачных отношений или вводящих какие-либо запреты в этой сфере. Существовавшие фактические ограничения носили преференциальной, а не предписывающий, обязывающий характер. И хотя общинная эндогамия, так же как и тухумная, не была «узаконена» обычным правом, браки, осуществляемые с представителем чужой общины, рассматривались выходящими за пределы традиционных устоев и не приветствовались.

Причина существования внутриобщинной преференциальной эндогамии являлась, прежде всего, экономической и заключалась она в противодействии дроблению и выведению из общины земли (даже частной, не говоря уже об общинной) в результате брачных союзов с представителями других общин. То, что этот запрет имеет в своей основе экономическую суть, является лишним свидетельством непервичности сельской территориальной общины в Дагестане. Такой социальный институт мог сложиться лишь после возникновения достаточно развитого права собственности, включая право семейной (по существу, частной) собственности на землю. В историко-правовом отношении это должна быть протогосударственная или предгосударственная стадия общественно-политического развития. В плане относительной хронологии начало такой социальной трансформации можно отнести в Дагестане к эпохе бронзы, когда здесь уже практиковалось пашенное земледелие.

Таким образом, указанные особенности обусловлены факторами не культурного или этноспецифического, а стадийного характера. К андийским тухумам, андийской сельской общине, как и общеандийскому союзу сельских общин в целом, такая характеристика применима в такой же степени, как и к любым другим.

Выводы

Этнографическая группа андийцев состоит в настоящее время из 29 тухумов, рассредоточенных в 9 сельских обществах (джамаатах). Если говорить о тухумах собственно села Анди, то три крупных тухума (Абичол, Херчилал, Щамхваладул) являются здесь изначальными не только для данного сельского общества, но и для подавляющей части андийцев, обитающих в верхней части бассейна р. Гадор (Онсатлен). Возникновение наиболее древнего из названных тухумов относится к домонгольскому периоду истории края, т.е. ко времени ранее XIII в. К XIII в. относится возникновение если не самого тухума Херчилал, то его названия. К XIV в. можно отнести возникновение тухума (или названия тухума) Щамхваладул. Достоверными представляются сведения хроники «Тарих Анди» об обосновании в конце XIV в. в Анди тухумов Унсурилал и Мирзалал. Возможно, к немногим более позднему времени относится обоснование здесь тухума Дадилол.

В историко-генеалогическом отношении коренные андийские тухумы являются автохтонными. Если в андийскую среду проникали тухумы иных этноязыковых групп, то они происходили из аварской и в незначительной степени тюркской среды. Во всех подобных случаях они довольно быстро ассимилировались здесь в языковом и во всех других отношениях. Никакие иные включения в составе андийских тухумов не просматриваются, если не считать таковыми адаптированные персональные вкрапления, никак не меняющие саму местную тухумную систему. И наоборот, вхождение какого бы то ни было андийского тухума в иноэтничные образования не имело места ни в какой форме. Да это и не было бы возможным, так как тухумы не обладали прерогативой установления внешних (за пределами сельской общины) отношений. Эта функция находилась всегда и во всей полноте в компетенции территориальной общины.

В условиях многотухумной территориальной общины былые ограничения внутриродовой экзогамии перешли к общине в целом и приобрели форму предпочтительной (не освященной обычным правом, но фактически функционирующей) эндогамии территориальной общины. Если в классическом родоплеменном устройстве действует правило, при котором род экзогамен, а племя эндогамно, то в дагестанском варианте действовало правило преференциальной территориально-общинной эндогамии, сочетавшейся с отсутствием запретов на внутритухумный брак.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агларов М.А.* Андийцы: историко-этнографическое исследование. М., 2002. 304 с.
2. *Умаханов Х.* Помнят андийские горы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. 224 с.
3. *Набиюлаев Г.И.* РикКІвани росдал тарих (История села Риквани). МахАчхъала, 2010. 304 с. (На авар. яз.).
4. *Курбанов М.С.* Зило в прошлом и настоящем. Махачкала, 2018. 356 с.
5. *Мухаммаднабил А.* Берулал, ва дирго эбелдахъан гагарлъи (Берулал и мои родственники с материнской стороны). МахАчхъала, 2003. 130 с. (На авар. яз.).
6. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. С. 82–88.
7. *Амирханов Х.А. Чупанов Р.А.* «Тарих Анди» – памятник локальной (сельской) истории в контексте дагестанской историографической традиции // Вестник Дагестанского научного центра. 2023. № 89. С. 25–33.
8. *Айтберов Т.М., Джидалаев Н.С.* О термине «уздень» на Северо-Восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 14–34.
9. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Ч. 1. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1998. 126 с.

-
-
10. *Шиллинг Е.М.* Очерки по этнографии андийцев. М., 1948 // Архив Института этнографии РАН. Д. 7629.
 11. *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987. 224 с.
 12. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. С. 97–108.
 13. *Исламмагомедов А.И.* Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002. 432 с.
 14. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература, 2002. С. 211–212, 236–238.
 15. *Лавров Л.И.* О причинах многоязычия в Дагестане // Советская этнография. 1951. № 2. С. 202–203.
 16. *Лавров Л.И.* О причинах многоязычия в Дагестане // Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 29–32.
 17. *Агларов М.А.* Сельская община как эндогамный круг // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 5–11.
 18. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. 243 с.

Поступила в редакцию 28.02.2024 г.

Принята к печати 28.06.2024 г.

* * *

Амирханов Хизри Амирханович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом археологии каменного века, Институт археологии РАН; 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: amirkhanov@rambler.ru

Hizri A. Amirkhanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, professor, head of the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanov st., Moscow, 117292; e-mail: amirkhanov@rambler.ru